

СЛАВА И ЕЕ НАСЛЕДНИКИ

И истории нужно относиться серьезно... ведь это она внушила юноше пролетариату необходимость перевести ее ход на другие рельсы и заняться делом нереальной реорганизации мира...

М. ГОРЬКИЙ.

ДОРОГА в Спасск-Дальний пролегла по местам, где что ни деревня, то как бы страничка из летописи многолетней, упорной и трудной гражданской войны и борьбы с иностранными интервентами на Дальнем Востоке. Еще только осталось позади Раздольное, одно из памятных мест, где когда-то шли кровопролитные, ожесточенные бои, а уже вспоминаешь: там, справа от шоссе, в Бондратенково — могила юного партизанского героя-комсомольца Виталия Бонивура; и уже видны огни Ворошилова, бывшего Никольска-Уссурийского, с его немеркнувшей революционной славой. И, наконец, вот он, Спасск — город, вошедший в песни и в память каждого советского человека.

Это здесь, в Спасске, когда уже была взята Волочаевка и освобожден Хабаровск, когда части Народно-революционной армии брали штурмом один населенный пункт за другим, пробиваясь к берегам океана, белогвардейцы царского генерала Дитерихса вознамерились приостановить победное шествие армии-освободительницы. Да только напрасно: 9 октября 1922 года город был взят, и эта победа предвещала окончательный крах белогвардейских орд и их иноземных сообщников, пять лет хозяйничавших на Дальнем Востоке.

Спасск сегодня — это большая, наполненная веселым рабочим гулом строительная площадка. Растут улицы новых домов в поселке цементно-шиферного завода, раздвигаются корпуса центральных мастерских, обслуживающих всю лесную промышленность Дальнего Востока, вырастают десятки, сотни жилых домов.

Бывший партизан-дальневосточник, а ныне хозяин всех планов, цифр и сводок в районном масштабе, председатель райплана Александр Филиппович Отрошенко, показывая одну стройку за другой, поясняет коротко и сжато:

— Тут было гиблое болото... А тут — тайга, мы за грибами хаживали...

Вообще-то говоря, кого в наши дни удивит подобным экскурсом в прошлое? Но, должно быть, потому, что рядом, по соседству, особенно отчетливо видный на фоне неба, возвышался монумент, воздвигнутый в память героев «штурмовых ночей Спасска», рассказ его воспринимался как-то по-особенному, емко, наполняясь величавым смыслом.

...А потом мы добрых полдня дымили папиросами в тесном кабинете Александра Филипповича; здесь вдруг как-то само собой стало тесно, потому что сюда, как на огонек, все подходили и подходили неизвестно когда и кем оповещенные старики-партизаны. Что это за чудесный был разговор! Отрошенко начал вспоминать, как он батрачил здесь, в Спасске, перед первой мировой войной; пенсионеру Тихону Ивановичу Шулякову нельзя было не вспомнить о самом дорогом в жизни — о трех своих встречах с Владимиром Ильичем Лениным, о фронтовых дорогах, о дружках однополчанах, а тут уж кто удержится, чтоб не окунуться в этот стремительный поток дорогих сердцу воспоминаний...

А мы слушали — и все думали: да ведь вот же живая, яркая, волнующая история всей нашей дер-

жавы, вместившаяся в этих нескольких биографиях, только не ленясь слушать, только успевая записывать. Как это важно и ценно для молодежи! Припомнились встревоженные слова А. М. Горького из его статьи «Две пятилетки». В огромном большинстве, писал он тогда, наши читатели — это люди, которым в 1917 году было десять лет... Они не нюхали пороха гражданской войны... Они крайне плохо знают историю жизни и работы своих дедов, отцов, то есть историю своей страны. Они учатся по книгам, которые недостаточно ярко и вразумительно изображают процесс превращения тяжелой, каторжной жизни рабов в героический подвиг, преобразующий мир...

Не только о книгах и не только для писателей были эти строки! И хотя с тех пор прошло двадцать два года, так ли уж существенно изменилось это положение, отмеченное Горьким?

ЕСТЬ в жизни народа даты, которые надолго еще остаются после себя зримый след. Вот таким стало 40-летие Октября. Одна из важных особенностей этого юбилейного года в том, что сейчас, как никогда прежде, резко повысился интерес к нашей революционной истории, к традициям и славе народа-победителя. Давно ли, кажется, — всего только в апреле этого года, — была создана в Приморье при краевом Совете секция участников революционного движения, а она уже организовала около полутора тысяч встреч ветеранов революции с трудящимися края, публичных лекций, тематических вечеров и т. д. Не менее значительны первые итоги работы такой секции и в Хабаровском крае. Сейчас, наверное, не найдется ни одной школы, клуба, предприятия, где не прозвучало бы слово старых большевиков, партизан, тех, кто утверждал победу революции.

Стоит оглянуться вокруг, и самые камни родных мест заговорят понятным, страстным языком. И окажется, что нет в твоём крае ни одного даже самого дальнего уголка, который не поведал бы о грозном прошлом. Комсомольцы Амуринского района Приморья устроили поход по старым партизанским базам, и как это оказалось интересно! Молодежь Амурской области проложила свои туристские тропы летом нынешнего года по местам боев гражданской войны, и сотням юношей и девушек свой собственный, родной, привычный край как бы увиделись в ином свете, стал вдесятеро дороже и понятнее. А где-то в далеком таежном селе Картун, что в отрогах Сихотэ-Алиня, молодые колхозники затеяли устроить чествование первооснователей села, а потом об этой затее заговорил весь Дальний Восток.

Спасские старики-ветераны были одними из первых, кто отозвался на этот пробудившийся интерес молодежи к революционной истории края. Каждый из них провел десятки встреч с молодежью и приобрел сотни молодых друзей, которые идут к ним за советом, десятилетиями открывают самые заветные уголки сердца.

А старики между тем без нажима, осторожно направляют проснувшуюся энергию своих юных друзей на совершенно конкретные, хотя, может быть, и прозаические, на первый взгляд, дела: вот надо бы улицы озеленить, город-то какой знаменитый, а без единого деревца. Вот надо бы о воспитании-

Г. ХАЛИЛЕЦКИЙ

как детского дома по-заботиться, поехать в колхоз — помочь наладить культурную работу на селе...

И ВСЕ-ТАКИ, как ни значительны эти формы пропаганды революционных традиций, ими, думается, ограничиться нельзя. Воспитание на традициях — дело куда более широкое. И трудно было не согласиться с Тихоном Ивановичем Шуляковым, когда он с грустью говорил:

— Все это хорошо, мы сейчас выступаем, нас слушают — и как слушают! Но ведь нас, стариков-ветеранов, в Спасске и всего-то полсотни не наберется, и ряды наши все редкуют... А что будет дальше? Вот мы на бюро секции приняли такое решение: пока живы, работу среди молодежи вести до последнего. Один из всех нас останется, все равно помни: ты молодежи нужен, у тебя огромный опыт за плечами...

Прекрасные это слова, прекрасное, мужественное решение! И все же это — не ответ на тревожные сомнения Шулякова. Ну, а в самом-то деле, если заглянуть лет на двадцать вперед? И вот тут-то снова и снова приходят на память горьковские слова о нашей общей ответственности перед будущими поколениями за сбереженную и донесенную до них историю.

В ПРЕДПРАЗДНИЧНЫЕ дни мне довелось побывать в нескольких районах Дальнего Востока: в знаменитой Волочаевке и в Хабаровске, в местах, связанных с партизанской борьбой в Приморье. И как ни велико восхищение всем, что уже сделано для пропаганды революционных традиций, все это пока лишь самый первый и притом не самый трудный шаг. Я не нашел ни одного района, где работа по сбору и изучению местного историко-революционного материала велась бы серьезно, вдумчиво, постоянно.

А ведь если смотреть на это дело шире, то воспитание на традициях, на славе отцов включает в себя далеко не только события революции и гражданской войны.

Четверть века назад, в те самые дни, когда закладывались первые камни города юности — Комсомольска-на-Амуре, сотни юношей и девушек прибыли с путевками комсомола в Спасск, на строительство цементного завода. Их труд был подвигом, и сегодня вызывающим изумление. На ледяном ветру, в стужу возводили они стены и башни будущих гигантских печей. Многие из этих посланцев комсомола и поныне на заводе. Сменным инженером на ТЭЦ № 2 стал бетонщик Александр Семенович Биселев, заместителем начальника электростанции № 1 — каменщик Александр Петрович Алексеев. Машинистом у той самой печи, которую он строил, работает Иван Филиппович Ломков.

Они — здесь, рядом, они в труде достойно продолжали традиции героев-партизан Дальнего Востока. А в легендарном Спасске, где все дышит историей, никому даже и в голову не пришло, что трудная биография этих людей — тоже превосходный материал для воспитания молодежи на традициях и славе старших поколений.

Было когда-то на Дальнем Востоке прогрессивное по всей стране движение девушек-хетагуровок, были десятки прославленных героев Хасана, — где сегодня материалы об этих высочайших проявлениях народного героизма и самоотверженности?.. В Приморском крайкоме комсомола, когда там заговорили обо всем этом, развели рука-

ми: знаете, мы принимали несколько решений, ориентировали на составление истории комсомольских организаций, истории городов, районов, отдельных колхозов. Но как-то это не получается, да и сил маловато...

Это в крас-то, где теперь десятки тысяч людей пятилетнего труда, жаловаться на отсутствие сил?!

Многое, очень многое могли бы сделать для пропаганды традиций наши музеи: в конце концов, для того они и существуют!

ОСОБЕННО же большой счет предъявляет жизнь местным творческим коллективам: у кого большие возможности, с того и спрос велик.

Здесь, на Дальнем Востоке, две писательские организации, несколько крупных издательств, а вот самого начального, элементарно простого — популярной книги, рассказывающей о памятных местах края, нет пока что ни одной. Нет ни путеводителей по Дальнему Востоку, ни альбомов, запечатлевающих памятники славного прошлого. Планы дальневосточных издательств, посвященные 40-летию Октября, предусматривают очень многое, в том числе выпуск брошюр и сборников, рассказывающих о годах революции и гражданской войны. И все-таки в большинстве — это труды специального назначения, а не книги, которые стали бы настольными в любом рабочем общежитии или сельской библиотеке.

А как ждет молодой читатель художественных произведений о революционном прошлом своего края! Роман писателя-приморца К. Майбогова «Черный камень», рассказывающий о революционной борьбе сучанских горняков, выдержал два издания, а в Книготорге лежат неудовлетворенными заявки еще на 60—70 тысяч экземпляров этой книги. Десять лет назад вышло первое издание романа Д. Нагишиной «Сердце Бонивура», а до сих пор во владивостокской детской библиотеке имени Пушкина ведется честно соблюдаемая очередь за ним. И, кажется, не было еще ни одной встречи с молодыми читателями, где дальневосточные литераторы не услышали бы: — Когда же будут новые книги, такие, как «Сердце Бонивура» и «Черный камень»?

А и в самом деле, когда?.. Во всяком случае, перспективные планы дальневосточных издательств ответа на этот вопрос не дают.

Не могут похвастать усиленным вниманием к историко-революционной теме, решаемой на местном историческом материале, и дальневосточные театры. В репертуаре Хабаровского драматического театра пьеса Н. Рогова «Юнь-Корань» держалась очень недолго. Приморский театр имени Горького несколько лет назад поставил пьесу Е. Бондаревой «Сергей Лазо», и хотя была она несовершенно, почти все спектакли шли с аншлагом. Однако у каждой пьесы, да еще в условиях периферийного театра, лишь определенные возможности, и сегодня, естественно, спектакль «Сергей Лазо» сам собою сошел со сцены. А что взамен? Ничего!..

Понятно, что все эти (устраняемые!) промахи и просчеты не один год накапливались и не за один год их исправить. Но тем-то, думается, и знаменателен год 1957-й, в том и смысл начавшегося в этом году особенно широкого молодежного похода в революционную историю, в романтику, в познание славных традиций отцов, чтобы, вставшись, он уже не прекращался — этот большой и необычайно нужный поход.

ВЛАДИВОСТОК